

Алексей Будищев

Женихи

Алексей Будищев

Женихи

«Public Domain»

1901

Будищев А. Н.

Женихи / А. Н. Будищев — «Public Domain», 1901

«Мытищев приехал в усадьбу Сукноваловой на велосипеде. От его имени до усадьбы Сукноваловой всего 15 верст, и Мытищев любит ездить туда таким образом. И скоро и весело, да и человека брать не нужно; велосипед можно без всяких предосторожностей бросить у крыльца...»

© Будищев А. Н., 1901

© Public Domain, 1901

Алексей Будищев

Женихи

Мытищев приехал в усадьбу Сукноваловой на велосипеде. От его имения до усадьбы Сукноваловой всего 15 верст, и Мытищев любит ездить туда таким образом. И скоро и весело, да и человека брать не нужно; велосипед можно без всяких предосторожностей бросить у крыльца.

Мытищев так и сделал. И, щуря глаза, он оглядывал всю щеголеватую, недавно выстроенную усадьбу Сукноваловой, обильно освещенную лучами заходящего солнца. Усадьба поистине была великолепная. Все ее постройки, начиная с помещительного о двух этажах дома, были возведены из камня и крыты железом. Виделся даже кое-какой стиль. Двор, обширный и ровный, был тщательно выметен и посыпан желтым песком. Все поражало здесь блеском и чистотою. Усадьба эта выстроена три года тому назад, под надзором Сукноваловой, жестоко скучавшей в то время от безделья и развлекавшей себя постройками. Это имение приносит ей доходу до девяти тысяч в год, сама же Сукновалова считается в миллион. Она единственная дочь теперь уже умершего купца Ивана Сукновалова, суконного фабриканта, мельника и землевладельца. По происхождению он был крестьянин, но одевался европейцем. Свои толстые пальцы он любил украшать дорогими перстнями, а на левой руке носил даже браслет, память по своей рано умершей жене. Кроме того, на носу он носил синие очки, впрочем, по необходимости. Однажды, разглядывая в не совсем трезвом виде устройство револьвера, он нечаянно спустил курок; пуля, по счастью, прошла мимо его носа и ему только опалило веки. После этого он и надел на нос синие очки и его почему-то прозвали в уезде Бисмарком, хотя он ничего общего с железным канцлером не имел. Впрочем, Бисмарк этот дал дочери хорошее образование. Теперь ей 25 лет, она еще девушка и живет со старухой теткою Аграфеною Михайловною, которую зовет «тетенькой незнайкой», так как она почти каждую свою фразу начинает словами: «Не знаю уж как, Аксюшенька». Тетушка эта бездетная вдова, дама очень полная и рыхлая. Она очень любит баню и чай пьет с медом, уверяя, что сахар перегоняют через собачью кость. Кроме этого, она любит послушать хорошего дьякона и ведет переписку с одним монахом из Афонского монастыря.

Мытищев припомнил все это, оглядывая Сукноваловскую усадьбу. И тут он услышал веселый хохот на балконе. Он сразу узнал голос Ксении Ивановны и торопливо пошел в сад, рассчитывая, что вся их компания уже в сборе и пьет на балконе чай. У Ксении Ивановны Сукноваловой бывали преимущественно мужчины и притом неженатые, иначе сказать женихи, так как она считалась самою богатою невестою в уезде. Мытищев шел к балкону. Ему 28 лет, лицо у него худощавое и красивое, лоб выпуклый и бледный, русые волосы слегка вьются. Сразу видно, что он изнежен, избалован и... весь в долгу. И в походке, и в костюме и во всех его движениях сквозит небрежность, пожалуй, даже кокетливая. И его усы небрежно опущены книзу, хотя подбородок тщательно выбрит. Пожалуй, и концы усов он растрепал умышленно перед зеркалом.

Мытищев вошел на балкон. Там уже было несколько человек – люди, хорошо известные Мытищеву. Все группировались вокруг стола, на котором, пуская из-под крышки кудрявый пар, кипел самовар. Ксения Ивановна ела с блюдечка земляничное варенье и ее губы были ярче, чем всегда. Тетушка Аграфена Михайловна пила с медом чай, поглядывая на всех своими смеющимися глазами. Глаза у нее смеялись постоянно и что-то уж очень добродушно. Кроме хозяйки и ее тетушки, за столом сидели Борисоглебский, Пальчик и Потягаев. Все они ближайšie соседи Ксении Ивановны. Борисоглебский, высокий брюнет, молодой и видный. По всему видно, что он недурно поет баритоном и весьма этим гордится. И бороду свою он подстригает, как и все баритоны: не так коротко, как тенора; Пальчик – юноша лет двадцати

двух, без усов и без бороды, белокурый и хорошенький, с глазами молодой девушки. Одет он во все пестрое. А Потягаев человек лет сорока; он очень молчалив и в уезде его зовут «дудакком». Говорят, редко кто слышал крик этой птицы. Наружностью он, что называется, ни то ни се, и о нем забывают тотчас же, как он является. Одевается он бедно, на выборах всем кладет направо, а Ксения Ивановна зовет его «гиероглифом».

Все гости попивали чай. Ксения Ивановна увидев Мытищева, встала к нему навстречу. Она очень красивая девушка, несколько полная блондинка с ясными серыми глазами.

– А я вас заждалась Михайло Сергеич, – сказала она с улыбкою: – мы собираемся кататься: на лодке, а я и думаю: неужто без Михайлы Сергеича ехать?

Она, улыбаясь, подала Мытищеву руку. Голос у нее ленивый и певучий, а улыбка сердечная и хорошая.

Мытищев стал здороваться со всеми, а Ксения Ивановна опустила на стул доедать варенье.

– Что вы так долго к нам не заглядывали? – спросила она Мытищева, когда тот принял от Аграфены Михайловны свой стакан чаю.

– Дела-с, – отвечал Мытищев: – все выгодного дела искал, деньги нужны до зарезу.

– Как так?

– Да разве вы не слыхали, что мое имя назначено в продажу? Да-с. Я вот сижу с вами да балясничаю, а между тем у меня – «на лбу роковые слова: продается с публичного торга!»

Борисоглебский, ходивший в это время по балкону, заложив в карманы руки, пропел баритоном:

А на лбу роковые слова: Продается с публичного торга!

– Какая жалость! – вздохнула Сукновалова и, обратившись к Борисоглебскому, заметила:

– Да будет вам дудеть-то!

Борисоглебский, вытянув шею, пропел:

– Do, do, mi, fa...

– Неужто это правда? – с участием спросила Ксения Ивановна Мытищева.

– Воистину, – отвечал тот и, махнув рукою, добавил:

– Да будет говорить об этом; я же всегда знал, что этим окончу свои дни. Скажите-ка лучше, над чем вы тут смеялись?

Ксения Ивановна поставила на стол локти и глянула на Мытищева. Она была в простом холстинковом платье и ее тяжелая золотистая коса лежала просто и красиво на голове. Внезапно она показалась Мытищеву похожею на сестру милосердия.

– А смеялись мы вот над чем, – отвечала она: – спросила я ради шутки Андрюшу Пальчика, для чего он ко мне каждый день ездит. Неужто, говорю, вы думаете, что я за вас замуж пойду? А у него вдруг слезы в глазах. Я бы, говорит, и рад не ездить, да меня мамаша посылает.

Все рассмеялись. Пальчик покраснел и его глаза стали влажны. Мытищев принялся за свой чай.

Между тем, совершенно темнело и в липовых аллеях сада ложились на ночлег лиловые тени. Запад гас; одинокая тучка, слегка растягиваясь и извиваясь, перекочевывала с севера на юг, как стая перелетных птиц. Говор жизни стихал и немая тишина уже коснулась земли, заворожив и поля, и луга и лес. Только разбросанный там и сям деревушки да извивавшиеся между полями серые ленты проселочных дорог еще не подчинялись ее обаятельной власти. Оттуда доносилось порою то протяжное мычание затерявшегося тельца, то громохание крестьянской телеги, то скрип затворяемых ворот. И одинокий мужичий голос уныло выводил где-то ноту за ноту:

Се-десъ пырам-ча-ался Вы-ор бы-ра-дя-га-а...

Через час вся компания уже сидела в лодке и приближалась к противоположному берегу. Ксения Ивановна правила рулем и напевала:

Андрюша Пальчик, Хороший мальчик.

Порою она посматривала на Митищева, и думала: «Я знаю, что он злой и нехороший, почему же он мне нравится? Разве злость достоинство? Или уж мы так испорчены, что нам нравятся только пороки?»

Лодка ткнулась в берег. Все вышли и направились в березовую рощу. Ксения Ивановна подошла к Мытищеву.

– Предложите мне вашу руку, – сказала она.

– И сердце? – спросил Мытищев, насмешливо приподнимая брови.

– Нет, пока только руку, – отвечала та.

– Тебя я, вольный сын эфи-и-ра-а-а, – пропел Борисоглебский и развел руками, слегка выворачивая локти, как это делают оперные певцы.

Пальчик заспорил с Потягаевым, у кого лучше лошади, у Зотова или у Свистунова. Потом Мытищев рассказал, как у него два года тому назад жила в кучерах баба, скрывавшаяся от мужа.

– И знаете, чем она себя выдала? – говорил Мытищев: – Приезжаю я как-то с нею на ярмарку. Кучеров на ярмарке видимо-невидимо. И все кучера, как кучера, приехали и по кабакам разошлись. А мой кучер по красным лавкам шляется да ситца щупает. Тут ее урядник и накрыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.